

Источник: Вечерний Ростов

Дата выпуска: 25.09.1967

Заглавие: Чеховский ли это спектакль?

Автор: Л. Браиловский

После длительного перерыва Таганрогский драматический театр вновь обратился к творчеству А. П. Чехова, чье имя он носит, чьи произведения во многом определили творческий путь театра, его своеобразную манеру.

Я шел на новый чеховский спектакль и вспоминал рождение театра - «Три сестры» - спектакль молодой, горячий, удивительно поэтичный, трепетный, волнующий. А затем - «Иванов», «Дядя Ваня», «Чайка», «Вишневый сад»... Да, вся «большая» чеховская драматургия шла на сцене таганрожцев. Были в этих спектаклях и отдельные просчеты, и недостатки, но всегда звучала в них чеховская мечта о лучшей жизни, всегда ощущались чеховская мысль и поэзия.

- Зачем вспоминать? - скажут некоторые. - Ведь прошли годы. Театр стал другим.

Нет, нельзя забывать. Пусть почти полностью изменилась труппа, и нет сейчас в театре тех, кто играл Машу, Тузенбаха, Заречную, Иванова, Астрова, Соню, Раневскую, Трофимова и многих других, но традиции, великие реалистические традиции Чехова должны жить в театре, и не только жить, но и развиваться.

Как же решает эту задачу поставленная театром инсценировка повести А. П. Чехова «Драма на охоте»?

«Драма на охоте» была написана великим земляком таганрожцев в 1884 году и напечатана в московской газете «Новости дня». Используя форму популярного тогда уголовно-приключенческого романа, Чехов дает сатирические зарисовки провинциального быта восьмидесятых годов XIX века, рисует колоритные фигуры «верхушки» уездного общества.

Рассказывая историю Камышева и Ольги Скворцовой, Чехов только внешне остается в рамках уголовного романа, наполняя его новым содержанием, глубоко показывая подлинную жизнь, пошлую буржуазную действительность, убивающую мечты, растлевающую души людей.

Автор инсценировки В. Кривошеин сохранил основные сюжетные линии повести Чехова, за исключением вступления и заключительных сцен. Но дело не в них. Сюжетная схема осталась, а характеры главных действующих лиц оказались в инсценировке значительно обедненными, схематичными. Очень неполно дан образ Ольги. В повести в душе этой девушки живет мечта о настоящем счастье, сочетающаяся с уродливым стремлением к богатству, с цинизмом, который приводит ее к связи с графом. В ней есть понимание своего падения и желание любой ценой «выбиться». Если в самом начале инсценировки намечаются один-два штриха, явно недостаточные, но хотя бы намекающие на некоторые черты характера, то во второй части и это исчезает. Например, в сцене перед убийством, автор показывает Ольгу только страдающей. Но ведь у Чехова Ольга буквально за несколько секунд до смерти признаваясь в искренней любви к Камышеву, затем сожалеет, что не вышла замуж за богатого графа. Сложность образа исчезла, психологические мотивы многих поступков не понятны. Так, совершенно невозможно объяснить в инсценировке связь Ольги с графом. Вообще автор показал ее только невинно страдающей и оскорбленной.

Упрощенно решен в инсценировке и образ Зиновьева-Камышева. Сверхчеловеческая гордость, желание выглядеть в глазах обывателей таким демоном - вот все, чем наделил своего героя автор пьесы. Но ведь в повести есть очень много интересных мест, характеризующих Камышева гораздо глубже. Неглупый, волевой человек, бывший когда-то духовно сильным, сломился, опустил. Жизнь обывательская, жизнь пошлая опустошила его. И все-таки иногда возникает желание что-то сделать, - ведь силы-то еще есть! Но что делать? И Камышев мечется, хочет забыться, находя выход в пьяных кутежах. Иногда в душе его появляется живое чувство, но цинизм, безверие быстро побеждают. Его отношение к Ольге в повести более сложно, чем в инсценировке.

Сценическое воплощение литературных произведений, не предназначенных для театра, как правило, ведет к творческим, неудачам. Так получилось с инсценировкой чеховской повести, в которой важно каждое слово. Многочисленные потери - а надо отметить, что в инсценировке не показана и уездная чиновная верхушка, - привели к тому, что пьеса, особенно во второй, половине, превратилась в адюльтерно-детективное произведение. И зритель заинтересован лишь одним вопросом - кто убил? Пожалуй, единственный образ менее всего пострадал при переходе из повести в пьесу - граф Алексей Карнеев. Здесь надо отметить удачу актера Г. Марковича. Но это не смогло сделать инсценировку содержательной и даже привело к тому, что граф неправомерно стал в центре пьесы.

Таганрогский театр (режиссер В. Бухарин) поставил «Драму на охоте» как обычный «средний, спектакль», хотя видно стремление режиссера и актеров углубить пьесу, создать характеры, придать спектаклю социальное звучание. Но решение такой задачи практически невозможно.

В некоторых сценах глубока и искренна Ольга в исполнении молодой актрисы Н. Ермаковой. Трагизм положения Ольги передан точно.

Убедительно играет М. Климов Камышева, таким, каким он дан в инсценировке. Можно отметить В. Солохина - Вознесенского, Л. Гаврилова - Лесничего.

Но спектакля, настоящего чеховского спектакля нет, да и не мог он получиться. Возникает вопрос: зачем, во имя какой цели театр обратился к этой инсценировке? Чтобы ответить - у нас в репертуаре есть Чехов? Почему же тогда не подлинник? Неужели в театре решили, что Чехов уже сыгран и повторять его не надо? Неужели новой, в основе своей молодой, труппе таганрожцев нечего сказать в чеховских спектаклях? Конечно, повтор не нужен. А свежее прочтение?

Я верю в «чеховцев» и надеюсь, что у них скоро появится настоящий чеховский спектакль.